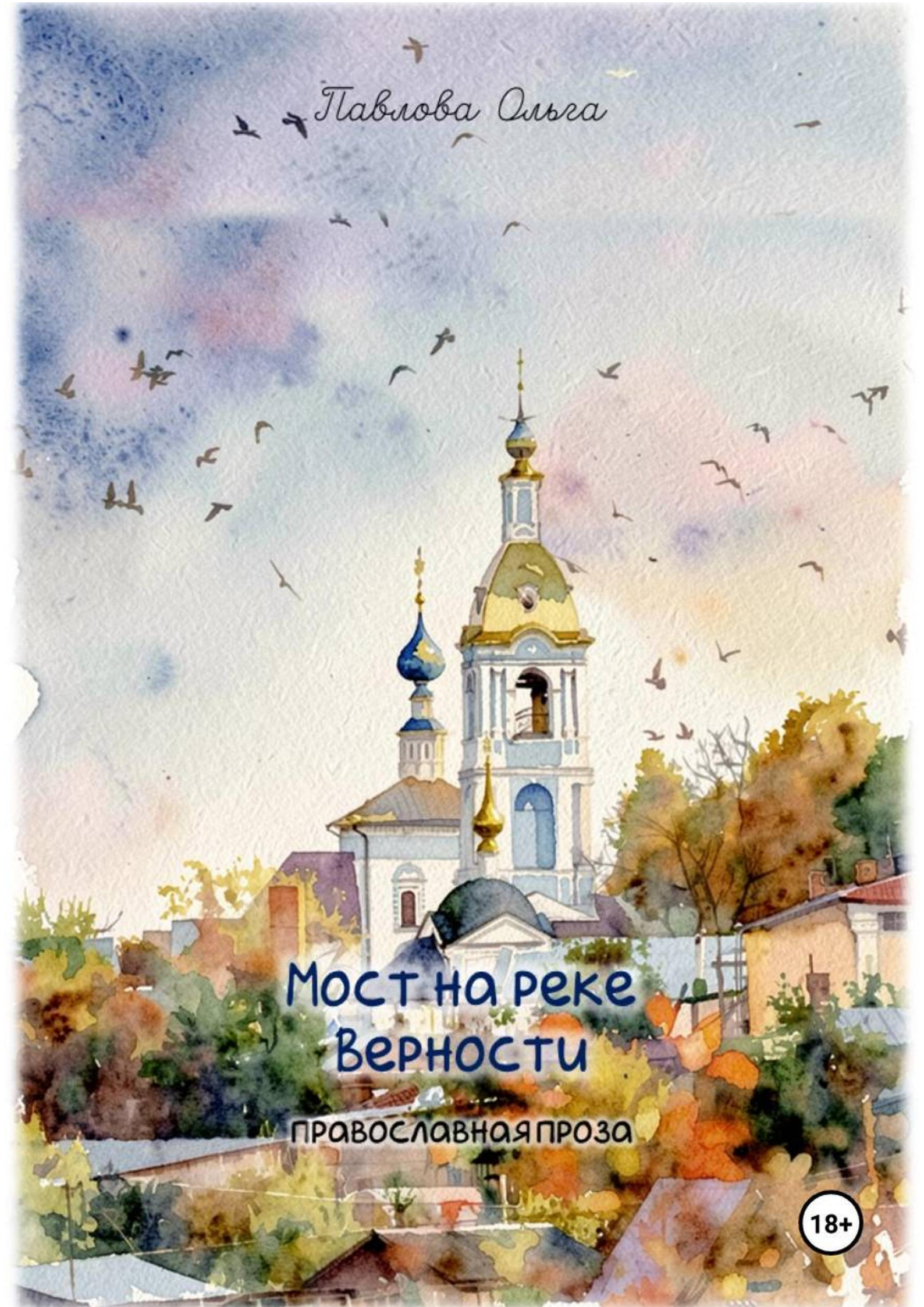

Павлова Ольга

Мост на реке
Верности

ПРАВОСЛАВНАЯ ПРОЗА

18+

Ольга Павлова

Мост на реке Верности

«Автор»

2026

Павлова О. В.

Мост на реке Верности / О. В. Павлова — «Автор», 2026

Михаил, успешный бизнесмен, подписывает судьбоносный контракт, выводящий его компанию в высшую лигу. На праздничном ужине с давним партнёром Вадимом он оказывается под влиянием льстивых речей о том, что его жена Лена «не соответствует» новому статусу. Впервые в жизни Михаил допускает мысль, что семья — это балласт, а рядом должна быть «женщина-украшение». Дома его ждут заботливая жена и мудрая мать, но он отвечает им грубостью и раздражением. В ту же ночь в офисе появляется новая сотрудница Юлия — амбициозная красавица, которая видит в Михаиле не просто начальника, а цель к комфортной жизни. Рассказ — о том, как успех и лесть незаметно разрушают семью, а гордыня и тщеславие готовят почву для предательства.

© Павлова О. В., 2026

© Автор, 2026

Ольга Павлова

Мост на реке Верности

Век царя Петра 1.

Отец Исидор, согбенный старец из глухого лесного скита, стоял в сенях Лефортовского дворца. В эту блестящую грязь и золотом мышеловку его привезли под конвоем гвардейцев Измайловского полка прямо из Керженских лесов. Сам царь прослышал, что в глуши живет старец - молитвенник, которого народ почитает за святого и тайно ходит к нему за благословением против «европейских новин». Петр I, не терпевший никакого сопротивления своей воле, приказал доставить монаха в Немецкую слободу. Государь хотел лично сломить старца, принудить его присягнуть новому духу, состричь ему бороду перед всеми иностранными послами и тем самым показать народу, что вековая старина бессильна перед натиском новой грозной эпохи. Так хранитель древней тишины оказался посреди вихря царского разгула.

Двери залы распахнулись с пушечным грохотом. Старца окутал густой, удушливый запах новой России: гарь немецкого табака, кислый запах заморских вин, пот сотен гвардейских тел и чужой, приторный аромат пудры. Внутри все кипело, как в кузнице. Надрывалась медь оркестра, звенели шпоры, слышалась чужая речь, пересыпанная пьяным сквернословием.

Посреди этого пиршества, возвышаясь над толпой царедворцев, стоял сам Петр I. На нем был заляпанный чернилами голландский кафтан, изо рта торчала дымящаяся трубка, а глаза горели тем страшным, безумным огнем, от которого трепетала вся империя. Это был дух железа, пороха и топора — дух, который строил корабли на костях и рубил вековые корни Святой Руси.

Старец Исидор смотрел на заляпанный чернилами кафтан государя, а видел другое. Перед его мысленным взором вставали не парадные чертежи, а глухие Воронежские дубравы и топкие берега Ладоги, где русский флот строился прямо на костях и замешивался на человеческой крови.

Старец вспомнил рассказы беглых мужиков, чудом уцелевших в той адской кузнице. Царь бредил морем, и ради этого со всей Руси, точно скот на убой, гнали под конвоем гвардейцев десятки тысяч крестьян. Их бросали в ледяные болотные топи Кронштадта и Олонца. Наскоро сбитые сырые землянки становились для них общими могилами. Люди гибли тысячами за один строительный сезон — от лютой болотной лихорадки, черной цинги, тифа и просто от непосильного, каторжного труда от рассвета до заката.

Каждый огромный дуб, срубленный в непроходимых лесах для царских фрегатов, оплачивался человеческими жизнями. Бедолаги вручную, по пояс в ледяной воде и грязи, волокли многопудовые бревна к речным причалам. Тех, кто падал от истощения, надсмотрщики нещадно били кнутами, оставляя умирать прямо на обочинах дорог, а на их место рекрутский набор пригонял новые толпы «расходного люда». Попытка побега каралась клеймением и вечной каторгой, за невыполнение немислимых сроков пороли до смерти.

Царские корабли рождались не просто из дерева и железа. Сквозь блеск позолоты и грохот пушечных салютов старец отчетливо слышал тихий, протяжный заунывный стон Руси. Вдоль верфей Кронштадта и Адмиралтейства, под киями стоящих на рейде линейных кораблей, лежали кости безымянных строителей, плотников и пильщиков. Петр строил свое величие на костях собственного народа, искренне веря, что гибель тысяч безвестных тружеников — лишь малая и оправданная плата за рождение великой морской империи.

Старики начетчики тихо, но твердо учили паству, будто истинного, прирожденного царя Петра Алексеевича давно нет на свете. Уехал, мол, православный государь за море, в чужие земли, да там немецкие еретики и сгубили его — заколотили в бочку и пустили по волнам, а

то и вовсе замуровали живым в каменный столб. А вместо него прислали на Русь подменыша, люторанина безбожного, немчина из Кукуйской слободы.

И как было не поверить в эту страшную подмену, когда вернувшийся из-за моря царь упрямо, с невиданной яростью принялся ломать христианский уклад? Он отринул венчаную супругу и сослал её в монастырские застенки, не пошел поклониться святым мощам в Кремле, окружил себя иноземными еретиками и стал «пить дым» из заморских глиняных трубок. Стрижка бород виделась старцам лютым кощунством — посягательством на сам образ и подобие Божие в человеке, превращением мужей в скверные, гладкие личины.

Но страшнее всего было посягательство на божественный порядок. Царь дерзнул украсть у Господа восемь лет времени, перенеся Новый год на зимний месяц январь и повелев считать года не от сотворения мира, а по-европейски. «Переменил времена и лета, как зверь из бездны», — шептались верующие. Подушную перепись населения, эти новые «ревизские сказки», многие почитали за окончательное клеймение, за зачисление живых душ в число зверя ради вечной гибели.

В глухих, заваленных буреломом Керженских скитах имя царя Петра поминалось с ужасом и крестным знамением. Для старцев, хранивших до раскола древнее благочестие, реформы государя стали не просто прихотью правителя — они ознаменовали приход последних времен. Даже самое святое — русскую речь — подменыш, по словам начетчиков, осквернил и вывернул наизнанку. Вместо чистых, богоугодных слов в обиход насильно внедрялись чужестранные, лающие вокабулы, рожденные в немецких кирхах да на голландских верфях. Людей государевых заставляли ломать язык об ассамблеи, регламенты и ранги. На смену привычным воеводам, ратникам и приказам велено было кликать штурманов, конторщиков, егерей и штильмейстеров. Даже в простых ремеслах теперь правили чуждые верстаки, штепсели да стамески. Для Керженских старцев этот наплыв мертвого чужого слова был верным знаком: у народа крадут не только веру, но и самый дух, заменяя живое русское слово бездушной заморской тарабарщиной.

Сама империя виделась им не градом земным, а царством тьмы, в которое вселился чуждый, разрушительный дух, и от этого духа оставался лишь один путь спасения — бегство в глухие леса под защиту вечной Божьей тишины.

— А, привезли раскольника! — громыхнул царь, шагнув к старцу Исидору. Толпа затихла. Иностранные послы подались вперед, предвкушая забавное зрелище. — Ну что, святой отец, молишься против моих кумпанств? Ждешь, когда антихрист с престола падет?

Отец Исидор медленно поднял голову. Перед ним стоял не просто государь — перед ним бушевала сама стихия новой России: могучая, яростная, созидаящая и одновременно разрушающая. Царь-плотник, царь-кузнец, царь-каратель, царь-новатор, который хотел силой вбить свой народ в грядущее столетие.

— Земной царь пред Небесным — яко прах, — тихо, но отчетливо произнес старец, и этот тихий голос покрыл недавний шум. — Ты, государь, города на болотах ставишь, да души людские в болото топчешь. Бороды бреешь, а умы в чужеземный плен отдаешь. Русь сильна была не пушками, а правдой Христовой.

Петр побагровел, его левая щека дернулась в привычном нервном тике. Он вырвал у стоящего рядом цирюльника тяжелые стальные ножницы. В замершем зале послышался глухой ропот.

— Присягни духу новому, старик! Покорись! — Петр занес руку над седой бородой монаха. — Или сгниешь на каторге! Скоро вся Русь, по-моему, заговорит, задымит, зашагает!

Старец Исидор не шелохнулся. Он смотрел на царя с глубокой, невыразимой скорбью. В его глазах не было страха — лишь вековая тишина Керженских лесов, которую невозможно было состричь ножницами или расстрелять из мортир. Это был другой дух России — потаен-

ный, терпеливый, молящийся, который переживает и этот чужой маскарад, и этот пьяный грохот.

— Стриги, государь, — кротко молвил отец Исидор, опуская взоры. — Волос отрастет. А вот душу, тобой израненную, чем лечить станешь, когда дым твоих ассамблей развеется?

Ножницы звякнули, коснувшись серебряной пряди, но рука Петра вдруг дрогнула. Царь замер, всматриваясь в это каменное, мирное упорство. В этот миг в Лефортовском дворце сошлись две России: одна — летящая вперед со свистом кнута и звоном якорных цепей, и другая — уходящая вглубь себя, хранящая древнюю веру под спудом великого раскола.

Под ногами хрустел битый штофный стакан и сорванная позолота. Воздух в зале был тяжелым, удушливым — пахло не ладаном, а голландским кнастером, горелым волосом и венгерским вином.

Царь Петр, огромный, в заляпанном дегтем шкиперском кафтане, судорожно дергал щекой. В его руках сверкали немецкие ножницы.

— Небытие ломаю! — гремел царь, хватая за бороду престарелого князя Прозоровского. — Остричь суеверия! Одеть в саксонские кафтаны!

С хрустом резались оклады бород — вековая гордость мужей. Бояре стояли ни живы, ни мертвы. На столах лежали «аллонжевые» парики — огромные, пудренные мукой кудри из конского волоса, пахнущие мышами и чумным салом. Рядом плевались дымом глиняные трубки-носогрейки. Тех, кто не хотел впускать в себя европейское зелье, насильно поили «кубком Большого Орла», пока несчастные не падали замертво.

Царь перекраивал Русь по голландскому лекалу. На тайных ассамблеях, под надзором иноземцев из Немецкой слободы, дворян заставляли учиться «реверансам» и искусству «комплиментов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.